

Случайные строфы

1

Зима всю ночь рисует на стекле
фламандские тяжелые узоры,
дремучие норвежские пейзажи,
суровые готические крыши,
украшенные инеем и даже
порою пишет вязью в уголке,
объединив два разных алфавита,
слова на арамейском языке,
уже не помня, видимо, иврита.

2

Нам не хватает фауны и флоры
в фарфоровом от снега феврале,
их заменяют карты, разговоры,
тяжелые муаровые шторы,
на ум приходят (дело в рифме) шпоры
или поездки к морю в «шевроле»...

3

Здесь повсюду глыбы льда...
Спите, звери Зодиака,
вам нельзя входить сюда.
Знаю, Тигр или Собака
мне не причинят вреда.

Жизнь, казалось, никогда
не закончится, однако
в небе дрогнула звезда
где-то там, в созвездье Рака
и исчезла навсегда...

4

Ветер. Снег. Светло и пусто.
Никого. Один. Так надо.
Юность, молодость, искусство,
всё – лишь промельк снегопада.

Хлопья падают так густо –
в трех шагах не видно сада...
Помнишь, у Марсея Пруста?
Или – у маркиза Сада?

Снегопад приводит в чувство,
он – как высшая награда...
Вполнакала светит люстра
в трех шагах от снегопада.

5

Ветер. Ночь. Забор. Качели.
Снег. Чугунная ограда.
Я стою почти у цели –
в трех шагах от снегопада.

Лампа светит еле-еле,
гаснет без предупрежденья...
Я стою почти у цели –
в трех шагах от пораженья.

На стене – фарфор из Гжели,
сувениры из Торонто...
Я стою почти у цели –
в трех шагах от горизонта.

Стансы

I

Сентябрь сгорел наполовину,
уже мерещится февраль...
Пока небесная эмаль...
Пишу письмо калмыку-финну,
рифмую слезы и слова.
Не вы ль? Увы, не вы... Нева
в гранитный берег бьет волной,
и Днепр широкий в дымке тает...
Листок летит над головой –
куда, зачем? – никто не знает.

II

Казалось, жизнь давно прошла.
Листва поблекла, облетела...
Три ивы, чахлая ветла,
но мне-то, мне какое дело
(как говорил один пиит)
до госпитальных этих плит,
до этих плакальщиц-берез,
до сумасшедших этих сосен...
Листву последнюю мороз
скосил, а я-то думал: осень.

III

Увы, не пастырь, не пастух...
Зачем, седобородый мальчик,
в кругу кладбищенских старух
сидишь, один?.. Айда в подвальчик!
там наливают... раз-два-три...
повсюду мраморные жилки,
горит окошечко внутри,
торчат железные опилки,
горчит вино, и карамель
во рту... Февраль?.. Или апрель?

IV
Я так скажу, лицом суров:
вам нужен флаг, мне нужен кров!
Я помню сумрачное лето –
смесь Боттичелли и Ватто
(спасибо, Господи, за то,
что подарил мне столько света!)
и мрачный деревенский дом,
где муравьи, как самураи,
ползли сквозь влажный бурелом
вдоль бревен дряхлого сарая.

V
Еще не там, уже не здесь,
еще нигде, уже повсюду,
как этот клен полураздет,
клянусь: я был, я емь, я буду!
Мне кажется, я был всегда...
Опять железная звезда
с лицом бурята иль монгола
взойдет над жертвенной Землей,
чтоб пасть на города и сёла,
покрыть их царственной золой.

Отцу
На задворках Европы, в крестьянской глуши,
на высоком холме – за чужие гроши –
ты оставлен лежать навсегда в феврале
в неподатливой, жесткой и мерзлой земле.
Над тобою, как прежде, плывут облака.
Сон глубок, и могила твоя глубока.

И если память мне не изменяет,
я счастлив был лишь в детстве. Это значит:
жизнь близится к концу.
С ума сошла не только эта роца
со вздыбленными волосами,
охапки листьев прячущая в снег, –

я тоже медленно схожу с ума,
хотя и выгляжу вполне счастливым...
Как прежде подхожу к календарю
и день за днем беспечно отрываю.

Дочери

Неподалеку – кладбище. На холм
взбираюсь часто к сумрачной могиле,
где спит отец; на ней три кипариса
посажены заботливой рукой...

Так и живем в печальном захолустье:

я целый день читаю детективы,

перевожу на русский Гёльдерлина

и у тебя учусь невнятным фразам:

Entschuldigung, ich habe eine Frage...

А ты уже щебечешь по-немецки,

приносишь в дневнике одни «пятерки»

и забываешь русский понемногу...

Лишь я твержу на память, как безумный,

обрывки строк, где слово *смерть* мелькает

так часто, что мне кажется порой:

я мертв давно, и ты мне только снишься.

СТАРЫЕ ФОТОГРАФИИ

Матери

Легка на помине, как солнечный луч на поляне,

как пляшущий полдень, как полдник в высокой траве,

как скрипка кузнечика, как из-за леса – цыгане,

как память о детстве, о снежном его колдовстве.

Осталось не много: осталось спокойное эхо.

Ни дома, ни сада, ни пепла...

Лишь память о том,

как долго звучат колокольчики детского смеха,

когда молчаливый отец возвращается в дом.

Вот и двери состарились, и обносились портьеры
в этом доме старинном, где столько просыпалось лет,
где в прихожей колеблется свет, то пурпурово-серый,
то, как свет от звезды, то, как солнца замедленный свет;

в этом доме старинном, где дует из окон, где фразу
от простуженных кресел сквозняк вдруг унес в коридор,
чтобы там заблудиться в пространстве из пауз, и сразу
возвратиться на место, поскольку – таков уговор;

в этом доме мы встретимся вновь через пару столетий,
через несколько дней или лет, или даже минут,
чтоб уже никогда не забыть этот вихрь междометий,
вихрь бессмысленных слов, что уже никогда не умрут.

* * *

«Не пишешь, не пишешь, не пишешь...»

О чем же тебе написать?..

О том ли, что ветер над крышей
листву заставляет летать?

О том ли, как мне одиноко
в неприбранном доме-тюрьме?..

Ты помнишь, у раннего Блока,
а может быть, у Малларме?

Всё та же, всё та же морока,
вселенская хворь или хмарь.
Кромешная музыка Блока,
аптека, брусчатка, фонарь...